

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

Нравственно-безразличное и "дозволенное"

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 1. С. 108-126.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ обществѣ, слушающемъ проповѣди то одного, то другого непризванныхъ моралистовъ, противорѣчащихъ себѣ, ложно толкующихъ христіанскіе нравственные принципы и т. д., сплошь и рядомъ встрѣчается удивительно нелѣпая путаница по части пониманія сущности христіанской нравственности. На дняхъ намъ пришлось вести бесѣду съ однимъ, повидимому, интеллигентнымъ человѣкомъ о такъ называемыхъ *адіафорахъ*. Изъ бесѣды обнаружилось, что, зная весьма многое, его лично не касающееся, многое—совершенно никуда неприменимое, онъ не интересуется и не знаетъ того, что касается его ближайшимъ, непосредственнѣйшимъ образомъ, а если что и знаетъ, то нерѣдко въ превратномъ видѣ. Въ его бесѣдѣ постоянно приходилось слышать выраженія: „это — безразлично“, „это—все равно“ и пр., употребляемыя механически, безотчетно. А когда мы обратили его вниманіе на это обстоятельство, онъ сначала былъ изумленъ, а потомъ понесъ такой самопротиворѣчивый сумбуръ, въ которомъ онъ затѣмъ окончательно и погрязъ. -- Мы думаемъ, что съ нимъ раздѣляютъ общую участь и многіе другіе. Отсюда не считаемъ излишнимъ въ общедоступной формѣ изложить свои взгляды на нѣкоторые нравственные вопросы. Сначала же выяснимъ должную точку зрѣнія на послужившій для насъ въ данномъ случаѣ толчкомъ вопросъ объ *адіафорахъ* (и такъ называемомъ *дозволенномъ*).

Подъ именемъ *адіафоръ* (*ἀδιάφορα*) обыкновенно разумѣются дѣйствія..., а равно и предметы, вещи будто бы *безразличныя въ нравственномъ отношеніи*. Понятіе безразличнаго въ нрав-

ственномъ отношеніи указываетъ собою на вѣчто такое, что не входитъ въ область, съ какою имѣетъ дѣло нравственный законъ, а стоитъ особнякомъ отъ нея, и въ отношеніи къ чему, какъ не отмѣченному ни положительными, ни отрицательными предписаніями нравственного закона, слѣдовательно, одинаково позволительно человѣку держать себя и такъ, и иначе. Однако, возможно ли допустить бытіе понимаемыхъ въ такомъ смыслѣ *adiafora*? Возможно ли говорить о такихъ человѣческихъ дѣйствіяхъ, которыя стояли бы внѣ всякихъ отношеній къ нравственному закону? На этотъ вопросъ слѣдуетъ дать всецѣло отрицательный отвѣтъ. Основанія, уполномочивающія насъ на это, со стороны своей сущности — таковы.

Нравственный законъ не есть что-либо внѣшнее по отношенію къ нашей природѣ. Онъ, напротивъ, вложенъ въ послѣднюю одновременно съ ея твореніемъ Богомъ и безусловно неотдѣлимъ отъ нея, служа ея направителемъ и двигателемъ, всецѣло проникая ея сущность и постоянно заявляя о себѣ такъ или иначе. Въ силу такой тѣснѣйшей связи между нашею природою и нравственнымъ закономъ, составляющимъ неотъемлемую ея принадлежность и достоинство и потому и называемымъ именемъ естественнаго, нѣтъ рѣшительно никакой возможности представить себѣ какое-либо дѣйствіе нашего естества, которое стояло бы внѣ вѣдѣнія со стороны естественнаго нравственного закона. Въ виду этого соображенія безусловно каждое человѣческое дѣйствіе... должно стоять въ соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи съ требованіями того закона; въ безразличномъ же отношеніи стоять къ нему не можетъ и не стоитъ. Наше нравственное чувство не оставляетъ безъ такой или иной оцѣнки рѣшительно ни одного нашего дѣйствія, но одобряетъ его или порицаетъ. При существованіи же безразличныхъ дѣйствій пришлось бы допустить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ наше нравственное чувство относится совершенно безучастно къ извѣстнымъ человѣческимъ поступкамъ, противъ чего, однако, говорятъ — и тщательное самонаблюденіе наше, и свидѣтельства, сообщаемыя намъ другими о себѣ самихъ и представляющія результатъ также тщательныхъ и безпристрастныхъ самонаблюденій.

Помимо тѣснѣйшаго взаимоотношенія, существующаго между нравственнымъ закономъ и человѣческой природою и

свидѣтельствующаго противъ положенія о нравственно-безразличныхъ дѣйствіяхъ, помимо также свидѣтельствъ нравственнаго чувства, имѣющихъ тотъ же смыслъ, — слѣдуетъ обратить вниманіе на самое содержаніе нравственнаго закона. Нравственный законъ, какъ извѣстно, касается всѣхъ потребностей человѣческихъ: какъ индивидуальныхъ, такъ и общественныхъ, и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ давая человѣку соотвѣтствующія предписанія касательно ихъ удовлетворенія, способа послѣдняго, мѣры и т. д. Между тѣмъ, все человѣческое поступаніе, вся человѣческая жизнедѣятельность состоятъ исключительно и только въ удовлетвореніи тѣхъ и другихъ потребностей. Въ понятіи нравственнаго закона не заключается и не можетъ заключаться элемента, на основаніи котораго можно было бы утверждать или даже хотя бы догадываться только, что нѣкоторые роды удовлетворенія человѣкомъ его потребностей не имѣются въ виду тѣмъ закономъ, — равно какъ нельзя также сказать и того, что нѣкоторыя дѣйствія человѣка не имѣютъ никакого отношенія къ тѣмъ или инымъ его потребностямъ. Отсюда, — короче сказать, — все человѣческое поступаніе во всѣхъ его отдѣльныхъ проявленіяхъ и обнаруженіяхъ, направленное къ удовлетворенію индивидуальныхъ и общественныхъ потребностей, присущихъ человѣку, какъ безусловно стоящее въ тѣснѣйшей связи съ нравственнымъ закономъ и представляющее или исполненіе требованій послѣдняго, или игнорированіе, есть нравственно *не*—безразлично, но или нравственно—хорошо, или нравственно—худо. При томъ, еслибы мы вздумали стать на точку зрѣнія лицъ, утверждающихъ возможность бытія дѣйствій въ нравственномъ отношеніи безразличныхъ, то принуждены были бы съ тѣмъ вмѣстѣ допустить, что человѣческая жизнь не есть нѣкоторая единица, части которой связаны и сплочены между собою внутренне и неразрывно, а нѣчто такое, части чего соединены другъ съ другомъ лишь только внѣшне, наружно, механически. А допустивъ это, мы eo ipso согласились бы съ тѣмъ, что наше внутреннее я не есть полный хозяинъ и распорядитель надъ нашимъ личнымъ міромъ, а лишь крайне условный, такъ какъ подчиненныя ему сферы стоятъ въ отношеніи къ нему ненадежномъ, внѣшнемъ. Но допустить что либо въ этомъ родѣ намъ препятствуютъ всякія разумныя данныя, напротивъ увѣряющія насъ, что вся наша жизнь,

если тщательно въ нее всмотрѣться и проанализировать ее шагъ за шагомъ, представляетъ собою неразрывную единицу, части которой соединены между собою такъ же, какъ члены въ любомъ живомъ организмѣ. Ни одинъ изъ послѣднихъ, какъ бы, повидимому, онъ ни былъ ничтоженъ и малодѣленъ, тѣмъ не менѣе, не остается безъ значенія для организма; каждый изъ нихъ, напротивъ, принимаетъ извѣстное участіе въ жизни послѣдняго, нормальное теченіе которой и мыслимо только при этомъ условіи, такъ что отсутствіе послѣдняго вносить въ данную жизнь уже болѣе или менѣе значительную дисгармонію. Подобнымъ же образомъ ни одинъ человѣческій поступокъ не можетъ быть поставленъ внѣ всякой связи съ остальною жизнедѣятельностію человѣка, такъ или иначе, но непременно отражаясь въ ней, непременно сопровождаясь извѣстнымъ въ отношеніи къ ней значеніемъ. Обособленіе какого бы то ни было, хотя бы и весьма ничтожнаго на взглядъ, поступка непременно повлечетъ за собою перерывъ въ той безконечной цѣпи человѣческихъ поступковъ, изъ суммы которыхъ слагается вся жизнедѣятельность человѣка. Если такой перерывъ замѣчается нами не всегда, то—это уже наша вина, вина нашей близорукости, отъ чего существо дѣла, конечно, не измѣняется ни — мало. А разъ каждый поступокъ долженъ вносить извѣстную долю въ общую сокровищницу, свидѣтельствующую о нашемъ отношеніи къ нравственному закону, отсюда можетъ слѣдовать и слѣдуетъ только одинъ выводъ, говорящій противъ положенія о бытіи нравственно-безразличныхъ дѣйствій и поступковъ человѣка. То—правда, конечно, что не всѣ наши поступки имѣютъ одинаковое нравственное достоинство, что значеніе однихъ изъ нихъ—выше, а другихъ—ниже, но это—уже совсѣмъ другой вопросъ, который къ данному и разсматриваемому нами отношенію не имѣетъ.

Дѣло, словомъ, обстоитъ такимъ образомъ. Намъ данъ при нашемъ твореніи нравственный законъ, для того чтобъ мы всею своею дѣятельностію стремились къ осуществленію его требованій. Этотъ законъ—такое или иное выраженіе воли Творца, голосъ Его, постоянно долженствующій побуждать человѣка къ выполненію имъ своего назначенія на землѣ, слѣдовательно, касающійся всей человѣческой жизнедѣятельности, приближающей человѣка къ цѣли его бытія, а не той или другой, не тѣхъ или иныхъ только ея частей. Отсюда

рѣчь о нравственно-безразличныхъ поступкахъ, не имѣющихъ отношенія къ конечной человѣческой цѣли, не можетъ быть сколько-нибудь понятна. Намъ, конечно, могутъ поставить на видъ то обстоятельство, что поступки дѣтей до извѣстнаго возраста все-таки придется отнести къ числу нравственно-безразличныхъ, потому что въ нихъ недостаетъ элементовъ, при наличности которыхъ всякій поступокъ получаетъ какую-либо нравственную окраску. Эти элементы: сознательность и свобода. То — правда, что чѣмъ меньше участвуютъ данные элементы въ томъ или иномъ поступкѣ, тѣмъ меньше можно говорить и объ его нравственномъ значеніи. Но подобнаго рода поступки нами и не имѣются въ виду. Во всей предшествующей рѣчи мы разумѣли только тѣ человѣческія дѣйствія, которыя совершаются съ участіемъ свободы и сознательно, потому что эти только и могутъ быть названы дѣйствіями человѣка въ истинномъ смыслѣ слова. Итакъ,—съ настойчивостью повторяемъ,—такого рода дѣйствія могутъ быть чѣмъ-либо однимъ только изъ двухъ: или нравственно-хорошими, т. е., совпадающими съ предписаніями нравственнаго закона, или нравственно-дурными, т. е., расходящимися съ тѣми предписаніями. О чемъ-либо, занимающемъ средину между тѣмъ и другимъ, рѣчи быть не можетъ. Можно разсуждать, какъ и сказано выше, только о томъ, что одинъ, напр., поступокъ человѣка стоитъ выше или ниже другого въ нравственно-добромъ или нравственно-зломъ отношеніяхъ,—но не о какомъ-либо безразличіи, подобномъ тому, которое получается, напр., въ результатѣ смѣшенія различнаго рода прекрасно растворяющихся красокъ и проч.

Итакъ, *общія* соображенія, сдѣланныя нами на основаніи внутреннѣйшей связи между нашей природой и нравственнымъ закономъ, на основаніи свидѣтельствъ нашего нравственнаго чувства, на основаніи разсмотрѣнія содержанія предписаній нравственнаго закона, на основаніи неразрывнаго единства всей жизнедѣятельности человѣка, должны, думаемъ, привести размышляющихъ людей къ отрицанію положенія о существованіи какихъ-то нравственно-безкачественныхъ дѣйствій человѣческихъ.

Спрашивается теперь: что же именно въ каждомъ поступкѣ человѣка, совершаемомъ свободно и сознательно, является обстоятельствомъ, болѣе всего обусловливающимъ та-

кое или иное его нравственное качество? Самый ли объект, съ какимъ поступокъ человѣческій имѣетъ дѣло, или что-либо другое? Самъ по себѣ объектъ въ данномъ случаѣ особаго значенія не имѣетъ. Опытъ даетъ намъ великое множество примѣровъ, показывающихъ, что при тождествѣ объекта дѣйствій послѣднія, однако, имѣютъ совершенно различное нравственное достоинство и цѣну даже до противоположности. Напр., два человѣка подали бѣдному милостыню. Одинъ въ данномъ случаѣ руководствовался цѣлью оказать посильную помощь ближнему и хоть сколько-нибудь облегчить его горькую участь, побуждаемый къ тому любовью и состраданіемъ къ нему, какъ человѣку. Другой же имѣлъ иную цѣль и иныя побужденія: ближній, самъ по себѣ, его интересуется мало, столь же мало онъ склоненъ входить въ положеніе другихъ, какъ бы горько послѣднее ни было,—руководствуясь внутреннимъ влеченіемъ къ тому и проч.; для него — дѣло первой важности, чтобъ объ его благодѣяніи протрубили въ газетахъ или чтобъ дали ему за то какую-либо другую награду и т. п. Если о поступкѣ перваго мы отзовемся съ уваженіемъ, то совсѣмъ иное мнѣніе выскажемъ относительно тождественнаго съ тѣмъ по внѣшности поступка другого человѣка. Почему? Потому, что однимъ руководили чистыя цѣли и мотивы, а другимъ — болѣе или менѣе даже прямо — грязныя. Вся „суть“ заключается въ этихъ цѣляхъ и мотивахъ, придающихъ совершенно различную окраску даже безусловно одинаковымъ по внѣшности человѣческимъ поступкамъ. Одинъ, допустимъ, совершаетъ убійство, дѣлаетъ тоже и другой; но одинъ уходитъ изъ суда оправданнымъ, а другой болѣе или менѣе тяжко осужденнымъ...

Всѣ наши соображенія и положенія могутъ найти свое подкрѣпленіе и въ свидѣтельствахъ Слова Божія. Если послѣднее повелѣваетъ *все дѣлать въ славу Божию, ѹдимъ ли, пьемъ ли, или иное что дѣлаемъ* ¹⁾ (1 Кор. X, 31), повелѣваетъ, при томъ, неоднократно и настойчиво (см. Колосс. III, 17 и проч.), то не значить ли это, что, съ точки зрѣнія Священнаго Писанія, нравственно-безразличныя дѣйствія являются чѣмъ-то всецѣло непонятнымъ? Священное Писаніе нигдѣ и ни однимъ намекомъ не дѣлаетъ какого-либо огра-

¹⁾ *Аще убо ясте, аще ли пьете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите.*

ниченія этого: „*все*“, не говорить, что есть нѣкоторая область дѣйствій, разрѣшаемыхъ людямъ не въ интересахъ *славы Божіей*, но въ какихъ-либо иныхъ. Тѣ дѣйствія, которыя совершаются людьми не въ *славу Божію*, по смыслу ученія Священнаго Писанія, клонятся къ славѣ діавола. Дѣйствій же, занимающихъ промежуточное пространство между клонящимися къ славѣ Божіей и діавольской, Слово Божіе не знаетъ. Ты ни холоденъ, ни горячъ, — говорится въ Апокалипсисѣ по отношенію къ Ангелу Лаодикійской Церкви, — *но теплъ*, поэтому тебя ожидаетъ *изверженіе изъ устъ Божіихъ* ¹⁾ (III, 14—16). Отсюда ясно, что всѣ тѣ дѣйствія, которыя, по видимому, нравственно безразличны, потому что ни *холодны*, ни *горячи*, однако, таковыми могутъ считаться лишь только по видимому, такъ какъ уже въ самомъ ихъ характерѣ, показывающемъ недостаточную внимательность ихъ творцовъ къ предписаніямъ нравственнаго закона, скрывается элементъ нравственно-дурной и проч., вслѣдствіе чего они, т. е., таковыя дѣйствія, и строго осуждаются Словомъ Божіимъ. *Все, что не по вѣру, грѣхъ* ²⁾ (Римл. XIV, 23), — середины нѣтъ. Всякій поступокъ человѣка, если онъ можетъ быть подведенъ къ той категоріи поступковъ, которая стоитъ въ гармоніи съ христіанскою вѣрою, нравственно-хорошъ; всякій же другой, безъ какихъ бы то ни было ограниченій, нравственно грѣховенъ... Не касаясь великаго множества другихъ библейскихъ мѣстъ, раскрывающихъ ту же мысль, — т. е., что всякій человѣческій поступокъ, если въ его исполненіи принимаютъ участіе сознательность и свобода, непременно свидѣтельствуешь о томъ или иномъ настроеніи (грѣховномъ или добромъ) воли человѣка по отношенію къ божественной, заявляющей о себѣ чрезъ посредство присущаго человѣку нравственнаго закона, — укажемъ, что все Священное Писаніе обоихъ Заветовъ и путемъ приведенія различныхъ примѣровъ, и путемъ отдѣльныхъ выраженій и изреченій ясно и опредѣленно говоритъ о цѣли, о мотивахъ поступка, вообще о томъ внутреннемъ настроеніи, съ какимъ всякій поступокъ совершается, какъ объ условіи, опредѣляющемъ качество послѣдняго, дѣлающимъ его или нравственно-хорошимъ, или

¹⁾ Тако, яко обуморенъ еси, и ни теплъ, ни студенъ, изблевати тя отъ устъ Моихъ имамъ.

²⁾ ...всяко же, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть...

нравственно-дурнымъ. Для иллюстраціи дѣла припомнимъ хотя бы тотъ примѣръ изъ жизни первыхъ людей, какой находимъ на первыхъ страницахъ Библии, т. е., исторію жертвоприношеній Каина и Авеля. Причина, по которой въ очахъ Божіихъ была благоугодна жертва послѣдняго и неблагоугодна жертва перваго, именно та, на которую мы только что указали (ср. Быт. IV, 3—5)...

Установивъ взглядъ на вопросъ о нравственно-безразличныхъ дѣйствіяхъ, какъ на такой, который собственно не имѣетъ права даже на самое свое существованіе,—въ частности отгнѣннвъ положенія, что сознательность, свобода необходимо придаютъ поступку извѣстное (опредѣленное именно) качество, что въ данномъ случаѣ важенъ не тотъ объектъ, съ какимъ поступокъ имѣетъ дѣло, а цѣли и мотивы поступка, то внутреннее настроеніе человѣческаго я, какое имѣло мѣсто во все время, пока поступокъ совершался,—мы eo ipso достаточно опредѣленно высказались и по другому вопросу, который всѣми моралистами разсматривается въ неразрывной связи съ первымъ. Разумѣемъ вопросъ, касающійся такъ называемаго *дозволеннаго*. Говорятъ: можно указать такого рода дѣйствія человѣка или такіе объекты, одни изъ которыхъ будто бы *всегда* должны считаться дозволенными человѣку, а другіе также *всегда* недозволительными ему. Причиною этого считаютъ самую *сущность* дѣйствій и объектовъ, отъ которой и только отъ нея будто бы единственно и зависятъ какъ то, такъ и другое обстоятельства. Выше достаточно опредѣленно отгнѣнено нами, что такое илп иное (нравственно -- хорошее или нравственно -- дурное) качество поступковъ всецѣло зависитъ отъ ихъ цѣлей и мотивовъ, отъ того внутренняго настроенія, съ какимъ они совершаются человѣкомъ. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, вопросъ о бытіи самихъ по себѣ и всегда, безотносительно къ чему-либо, дозволенныхъ дѣйствій и поступковъ долженъ считаться нелѣпымъ, страннымъ и вытекающимъ изъ полнаго непониманія дѣла. Выше достаточно опредѣленно отмѣчено нами также и то, что тѣ объекты, съ которыми имѣютъ дѣло человѣческіе поступки, сами по себѣ въ данномъ случаѣ какого-либо особаго значенія не имѣютъ, такъ какъ при совершенномъ тождествѣ объектовъ дѣйствій послѣднія нерѣдко имѣютъ совсѣмъ неодинаковое нравственное достоинство и цѣну. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣ-

нія, вопросъ о существованіи такихъ объектовъ, которые будто бы сами по себѣ и всегда, безотносительно къ чему-либо, являются дозволенными, опять-таки отзывается нелѣпостью, странностью, всецѣлымъ непониманіемъ дѣла. Такимъ образомъ, вопросъ о такъ называемыхъ различными моралистами самихъ по себѣ нравственно - дозволительныхъ дѣйствіяхъ, поступкахъ человѣческихъ и предметахъ можно считать по существу окончательно рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Напрасно защитники иного образа мыслей пытаются оправдать себя ссылками на различнаго рода примѣры. Всѣ ихъ примѣры не достигаютъ той цѣли, съ какою приводятся. Указываемые мыслители рассуждаютъ: каждому человѣку, какъ индивидууму, присущи такія черты и особенности, какихъ нѣтъ у всѣхъ другихъ; въ силу этого обстоятельства и иныхъ, впрочемъ, причинъ каждому человѣку, опять какъ именно индивидууму, приходится нерѣдко бывать въ такихъ условіяхъ, какія совершенно неизвѣстны остальнымъ. Вотъ на этой-то почвѣ, говорятъ они, являющейся специфическою у каждого человѣка и потому оставляемой безъ вниманія нравственнымъ закономъ, какъ имѣющимъ дѣло съ человѣкомъ вообще, а не съ этимъ или тѣмъ въ такихъ или иныхъ условіяхъ его жизни, и имѣютъ право на свое бытіе стоящіе особнякомъ отъ правилъ нравственнаго закона и потому уже сами по себѣ или нравственно дозволительные, или нравственно-недозволенные объекты, поступки, дѣйствія. Сюда относятся ими, напр., отдыхъ, чтеніе романовъ, посѣщеніе театровъ, танцы и проч. въ этомъ же родѣ. Нравственному закону, говорятъ, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до такого рода человѣческихъ дѣйствій..., такъ что во власти самого уже человѣка лежить такъ или иначе къ нимъ относиться. Но здѣсь обращаетъ на себя вниманіе прежде всего то обстоятельство, что люди далеко не всегда и не всѣ согласны между собою въ томъ уже: какая категорія поступковъ, объектовъ... есть нравственно—дозволенная сама по себѣ и какая сама же по себѣ нравственно—недозволенная. Помимо всего прочаго, уже одно это обстоятельство довольно многозначительно. Затѣмъ коснемся нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ. Отдыхъ, дѣйствительно, нѣчто позволительное, какъ всецѣло обуславливаемое уже особенностями законовъ самаго нашего тѣлеснаго организма. Но онъ позволителенъ не въ безотносительномъ смыслѣ, не самъ по себѣ, а въ условномъ и отно-

сительномъ. Если человѣкъ дозволяетъ себѣ отдыхъ въ должной степени, т. е., насколько это требуется его организмомъ, отдыхъ будетъ и дозволительнымъ, и прекраснымъ, и необходимымъ дѣломъ. Если же въ данномъ случаѣ надлежащая норма не будетъ соблюдена, то подобный отдыхъ явится уже чѣмъ—то нравственно—дурнымъ. Чтеніе романовъ!... Опять какъ смотрѣть на это?! Если человѣкъ могъ бы съ большою пользою для себя и для окружающихъ его наполнить употребленное имъ на чтеніе романа время какимъ-либо другимъ дѣломъ, но просто не захотѣлъ, то здѣсь трудно было бы говорить о нравственно - безразличномъ, нравственно - дозволенномъ. Если, кромѣ того, на юнаго, напр., читателя ознакомленіе съ даннымъ романомъ можетъ произвести раздражающее, разжигающее... дѣйствіе (напр., чтеніе особенно романовъ Золя и другихъ въ подобномъ родѣ, потому и расходящихся, къ стыду человѣчества, въ необъятномъ количествѣ экземпляровъ), тогда данное дѣйствіе должно признать безусловно и всецѣло нравственно — непозволительнымъ... Итъ, конечно, ни малѣйшей надобности подвергать подробному же разсмотрѣнію и разбору какіе-либо другіе примѣры изъ числа приводимыхъ разсматриваемыми нами мыслителями, потому что это было бы и безконечно и излишне. Каждый подобнаго рода примѣръ будетъ указывать собою на такой случай, который ни въ кикомъ разѣ не можетъ быть причисленъ къ разряду безцвѣтныхъ, поскольку къ нему имѣетъ извѣстное касательство человѣкъ, однимъ (малѣйшимъ даже) прикосновеніемъ сообщающій ему непремѣнно какое-либо опредѣленное качество. Безотносительно же къ человѣку, его свободѣ... говорить о нравственномъ значеніи подобнымъ объектамъ невозможно...

Мысли, высказанныя нами по поводу объектовъ и дѣйствій, считаемыхъ нравственно-дозволенными или нравственно-недозволенными (самихъ по себѣ), могутъ быть подтверждены и данными, находящимися въ Словѣ Божіемъ.—Когда первозданный человѣкъ былъ введенъ Богомъ въ райское жилище, то ему было разрѣшено или дозволено *псть отъ всякаго дерева въ саду* (Быт., II, 16), за исключеніемъ *дерева познанія добра и зла* (—17).¹⁾ Что это значитъ? Значить ли

¹⁾ *И заповѣда Господь Богъ Адаму, глаголя: отъ всякаго древа, еже въ рай, съяди съеси, отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не съѣсте отъ него...*

это, что плоды однихъ деревьевъ были сами по себѣ нравственно-недозволительны или, что тоже, худы, злы? Ни-мало. Все, созданное Богомъ, было *весьма хорошо* (Быт. I, 31) ¹⁾, какъ отвѣчавшее своему назначенію, и, какъ знаемъ, Богъ не сотворилъ ничего злого: зло явилось потомъ и по извѣстной намъ причинѣ. Разсматриваемое обстоятельство имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ. Здѣсь идетъ дѣло не о томъ, каковы плоды райскихъ деревьевъ сами по себѣ, а о заповѣди Божіей, приуроченной къ плодамъ, о томъ, чтобы дать человѣку возможность развить и укрѣпить богодарованную ему свободу, которая иначе не могла бы заявить о себѣ фактически—осознательно и т. д. Даны были первозданному человѣку и другія повелѣнія: *плодитесь и размножайтесь*, говорилъ Богъ прародителямъ нашимъ, *и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте надъ рыбами морскими* ²⁾ и т. д. (Быт. I, 28). Все это было повелѣно и разрѣшено, дозволено прародителямъ. Но опять-таки здѣсь не разумѣется той мысли, что будто бы людямъ было дозволено владычествованіе и т. д. само по себѣ, что оно будто бы всегда и, при томъ, независимо отъ какихъ бы то ни было условій, дѣло хорошее... Само собою понятно, что иное владычествованіе (какъ то сплошь и рядомъ видимъ во всемірной исторіи человѣчества)—нравственно-порочное дѣло, и на подобное ему Богъ, конечно, не давалъ разрѣшенія первозданнымъ людямъ. Здѣсь опять предоставлялась послѣднимъ возможность самимъ выработать истинно-нормальный видъ ихъ отношенія къ остальному міру. Первозданные люди обладали до грѣхопаденія формальною свободою, которая не успѣла еще отмѣтить себя ни однимъ грѣховнымъ поступкомъ. Отсюда Господь и предоставлялъ имъ дѣлать то-то и то-то, зная, что они при указанномъ условіи не склонятся въ сторону зла безъ какой-либо особенной причины (чѣмъ и явилось обольщеніе со стороны змія), не злоупотреблять даваемыми имъ дозволеніями, разрѣшеніями. Невольно въ данномъ случаѣ приходятъ на умъ слова св. ап. Павла изъ его посланія къ Титу (1, 15): *для чистыхъ все чисто* ³⁾. Но вотъ наши праро-

¹⁾ И видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра злы...

²⁾ И благослови ихъ Богъ, глаголя: раститеся и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ей, и обладайте рыбами морскими...

³⁾ Вся убо чиста чистымъ...

дители пали, свобода ихъ извратилась... Отсюда измѣнились и отношенія Бога къ людямъ. Онъ уже не предоставляетъ имъ болѣе (какъ то было прежде) права дѣлать то или иное..., а напротивъ, дѣлымъ кодексомъ разнороднаго сорта предписаній опредѣляетъ заранѣе и строго рѣшительно всѣ проявленія жизни человѣка—еврея: не только болѣе или менѣе важныя, болѣе или менѣе существенныя, но даже и всѣ остальные. Всѣ предписанія этого рода отошли въ сторону послѣ того, какъ Иисусъ Христосъ возстановилъ падшую человѣческую природу. Искушенный и возрожденный человѣкъ, поэтому, восклицаетъ: *все мнѣ позволительно, но не все полезно; все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною* (1 Кор. VI, 12 ¹). Другими словами: объекты дѣйствій нашихъ сами по себѣ особаго значенія не имѣютъ. Отъ человѣка зависитъ, такъ или иначе воспользовавшись ими, извлечь изъ нихъ для себя пользу или вредъ. Человѣкъ долженъ особенно заботиться о томъ, чтобъ стоять выше власти всѣхъ этихъ объектовъ, быть ихъ господиномъ, а не рабомъ... и пр. И здѣсь, словомъ, также нѣтъ мѣста чему-либо самому по себѣ дозволенному или, что тоже, самому по себѣ нравственно-хорошему, такъ какъ все зависитъ отъ того, какъ отнесется ко всѣмъ такимъ объектамъ человѣкъ. Здѣсь говорится о нравственно-позволенномъ лишь именно постольку, поскольку человѣкъ пользуется чѣмъ-либо во всѣхъ отношеніяхъ нормально. Если же человѣкъ будетъ совершать что-либо, не обращая вниманія на то, что это *не полезно*, что это *обладаетъ* имъ и пр., тогда его дѣйствіе будетъ безусловно порочно въ нравственномъ отношеніи. И такъ, о чемъ-либо въ нравственномъ отношеніи безразличномъ св. апостолъ не говоритъ здѣсь, подобно тому какъ не говоритъ этого и въ другихъ мѣстахъ своихъ посланій: всякимъ своимъ поступкомъ каждый человѣкъ, по смыслу ученія Павлова, такъ или иначе, но непременно или содѣйствуетъ, или не содѣйствуетъ осуществленію предписаній нравственного закона. Возьмемъ ли мы, напр., дѣвство и вступленіе въ бракъ, употребленіе пищи и питья и проч., вездѣ въ существѣ дѣла увидимъ тоже. Дѣвство—хорошо; позволительно и вступленіе въ бракъ. Однако, ни то, ни другое не есть ничто нравственно-позво-

¹) Вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу: вся ми лѣтъ суть, но не азъ обладаю буду отъ чего. См. еще: 1 Кор. X, 23.

лительное само по себѣ. Напротивъ, каждый человѣкъ долженъ строго изучить и свои индивидуальныя качества, и тѣ условія, въ какихъ ему приходится жить..., прежде чѣмъ окончательно изберетъ тотъ или другой родъ жизни (т. е., жизни ли въ дѣвствѣ, или—въ бракѣ). И только послѣ этого онъ не рискуетъ воспользоваться тѣмъ, что вообще позволено человѣку божественнымъ нравственнымъ закономъ, — не такъ, какъ слѣдуетъ. Пользуясь же тѣмъ дозволеннымъ иначе, чѣмъ сказано, человѣкъ совершаетъ въ нравственномъ отношеніи грѣхъ. Тѣже соображенія могутъ быть приложены и къ вопросу о пищѣ и питъѣ. Сами по себѣ пища и питье особаго значенія не имѣютъ: они принадлежатъ къ области того, что дозволено человѣку, но не само по себѣ, а лишь постольку, поскольку опять таки человѣкъ нормально пользуется этимъ, обращая вниманіе, напр., на окружающихъ его, которые могутъ соблазняться извѣстнымъ его отношеніемъ къ пищѣ и пр. Если же человѣкъ будетъ употреблять въ пищу — что придется—безъ разбора, при томъ, ни мало не обращая вниманія на то, какъ все это отзовется на его ближнихъ, тогда онъ будетъ совершать нравственно-грѣховное... (1 Кор. VII, 26; IX, 5. 12. 4.—Римл. XIV, 20. 21. Ср. 1 Тимое. IV, 4...). Еслибъ хотѣли, то мы могли бы привести великое множество примѣровъ изъ Библіи, касающихся такъ называемаго дозволеннаго или позволительнаго, но и приведенныхъ считаемъ совершенно достаточнымъ для нашей цѣли. Они достаточно показываютъ, что, съ библейской точки зрѣнія, нельзя говорить о томъ, чтобъ существовало что-либо само по себѣ дозволенное, — что объекты сами по себѣ значенія не имѣютъ, а имѣютъ его лишь постольку, поскольку съ ними соприкасается человѣческая свобода..., — что, словомъ, все дозволенное (не само по себѣ, а въ относительномъ смыслѣ), отсюда, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отмѣчено признаками нравственно-безразличнаго.

Въ виду всего вышеизложеннаго, вся многовѣковая исторія разсматриваемаго вопроса, по временамъ даже очень замѣтно заявлявшаго о себѣ, должна считаться поистинѣ страннымъ явленіемъ, не имѣвшимъ, по крайней мѣрѣ, въ христіанскомъ мірѣ, никакихъ сколько-нибудь резонныхъ основаній для своего существованія. Если на языческой почвѣ (разумѣемъ стоическое, а отчасти и циническое ученія) это явленіе могло быть объяснено, по крайней мѣрѣ, въ нѣкото-

рой степени, тѣмъ обстоятельствомъ, что основные нравственные вопросы тамъ еще не были уяснены и раскрыты надлежащимъ образомъ, такъ что естественно иногда могла происходить путаница во взглядахъ, то къ христіанской почвѣ такія соображенія приурочены быть не могутъ, такъ какъ здѣсь все нравственное ученіе изложено въ „Новомъ Завѣтѣ“ ясно и опредѣленно. Стоики (сравн. учен. циниковъ) со своей точки, на которой развились и сложились ихъ философскіе взгляды, были, конечно, правы и дѣйствовали послѣдовательно сами себѣ, когда, такъ называемыя, внѣшнія блага (здоровье, богатство и проч. въ этомъ родѣ), какъ не игравшія роли какихъ-либо элементовъ, участвующихъ въ содержаніи высочайшаго блага, относили къ группѣ предметовъ, отмѣченныхъ ими титуломъ *ἀδιάφορ᾽*. При этомъ не говоримъ уже о томъ, что сами стоики, не смотря на неясную, неопредѣленную, отчетливо неустановленную ихъ точку зрѣнія, приводящую ихъ къ подобнаго рода взгляду на дѣло, все-таки смутно, должно быть, сознавали ложность послѣдняго, когда и между самыми адіафорами устанавливали различныя степени, указывавшія на неодинаковое ихъ нравственное значеніе (ср. ихъ ученіе о такъ называемыхъ *προηγμένα*); тѣмъ сами же до извѣстной степени и подкапывали свое ученіе о бытіи адіафоръ. Изъ христіанскихъ отцовъ и учителей Церкви первыхъ вѣковъ выразили свои симпатіи къ стоическому ученію Климентъ Александрійскій и Оригенъ (греческіе, восточные), а также Тертуллианъ, св. Амвросій Медиоланскій, бл. Іеронимъ и бл. Августинъ (латинскіе, западные),—отчасти, впрочемъ, и нѣкоторые другіе. Эти симпатіи объясняются очень просто. Тѣ христіанскіе писатели, которые до своего обращенія въ христіанство обучались въ школахъ языческихъ философовъ или которые, даже и родясь въ христіанскихъ семьяхъ, тѣмъ не менѣе затѣмъ получали языческое философское образованіе, большею частію относились къ языческимъ философамъ съ великою любовью и, во всякомъ случаѣ, съ уваженіемъ въ теченіи всей своей жизни. При раскрытіи и обоснованіи различныхъ христіанскихъ истинъ они постоянно пользовались содѣйствіемъ выработанныхъ языческою философскою наукою приемовъ, что особенно важно было въ ихъ борьбѣ съ язычниками, которые такимъ образомъ поражались ихъ же собственнымъ оружіемъ. Но въ данномъ случаѣ, къ сожалѣнію, бывали нежелатель-

ныя увлеченія со стороны христіанскихъ писателей даже нѣкоторыми языческими взглядами. Вотъ къ числу такихъ-то увлеченій, наравнѣ съ нѣкоторыми другими, принадлежить и увлеченіе перечисленныхъ христіанскихъ писателей стоическимъ воззрѣніемъ на адіафора, при томъ, еще непонятнымъ, какъ слѣдовало бы. Словомъ, самое обстоятельство увлеченія одной изъ данныхъ сторонъ другою понятно, но оно, тѣмъ не менѣе, не перестаетъ быть страннымъ, такъ какъ, имѣя подъ рукой готовый и опредѣленный отвѣтъ на данный вопросъ, христіанскіе писатели по старой привычкѣ ищутъ этого отвѣта, однако, на сторонѣ. Уже заранѣе можно было предвидѣть, какъ отнесутся къ перенесенному на христіанскую почву стоическому ученію объ адіафорахъ послѣдующіе вѣка на Востокъ и Западъ. Востокъ имѣлъ серьезный взглядъ на человѣческое поступаніе, обращая преимущественнѣйшее вниманіе на его внутреннюю сторону, а не на внѣшнюю, считая самую мысль о какомъ-то, на манеръ количественнаго, разграниченіи человѣческихъ дѣйствій прямо нелѣпою. Отсюда, естественно, ученіе объ адіафорахъ здѣсь привиться не могло и дѣйствительно не привилось. Западъ же съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усвоилъ взглядъ на область нравственнаго человѣческаго поступанія, подобный юридической точкѣ зрѣнія на человѣческія дѣйствія, т. е., внѣшній. Этотъ взглядъ явился уже всецѣло господствующимъ на Западѣ въ эпоху такъ называемаго схоластицизма, когда нравственные человѣческіе поступки дѣлились, дробились на составные элементы и вообще разсматривались подобно всякой матеріальной вещи, которую можно взять въ руки. Отсюда, съ точки зрѣнія схоластическихъ богослововъ ¹⁾ (перечислять ихъ нѣтъ надобности, да и долго было бы), вопросъ объ адіафорахъ -- нѣчто вполне естественное. Если юридическими законами иные поступки человѣка воспрещаются, иные повелѣваются, а относительно нѣкоторыхъ ими не дается рѣшительно никакихъ указаній, такъ что, предполагается, отъ самого уже человѣка зависитъ -- совершать ихъ, или нѣтъ, -- то и нравственнымъ закономъ, думали схоластики, предоставляется нѣкоторый разрядъ поступковъ на усмотрѣніе самого человѣка, при чемъ, совершая ихъ, человѣкъ ни грѣшитъ, ни проявляетъ какой-либо добродѣ-

¹⁾ Конечно, не всѣхъ.

тели, равно какъ и не совершая ихъ. Конечно, если смотрѣть на дѣло съ одной внѣшней точки зрѣнія, то, пожалуй, съ такимъ взглядомъ не согласиться нельзя. Но такая точка въ нравственной области неумѣстна, такъ какъ здѣсь каждый поступокъ, безотносительно къ его наружной формѣ, получаетъ извѣстный цвѣтъ соответственно тѣмъ мотивамъ, цѣлямъ..., съ какими онъ совершается, и разъ въ совершеніи его такъ или иначе участвовали факторы: сознательность и свобода (а при иныхъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о нравственномъ именно поступаніи), чего-либо безразличнаго въ нравственномъ отношеніи быть уже не можетъ. Ставъ на ложную точку зрѣнія, схоластики развили ученіе объ адіафорахъ до удивительной даже въ нѣкоторомъ отношеніи степени.— У протестантовъ, глубже смотрѣвшихъ на дѣло, обращавшихъ вниманіе не на внѣшнюю, юридическую только (или главнымъ образомъ) сторону поступковъ, а прежде всего на внутреннюю, ученіе объ адіафорахъ естественно не могло встрѣтить по отношенію къ себѣ симпатій. При томъ, въ разсматриваемое время, т. е., съ эпохи возникновенія протестантизма, стали понемногу уходить на задній планъ и тотъ великій факторъ, который игралъ весьма значительную роль во весь схоластико-католическій періодъ. Разумѣемъ воззрѣнія Аристотеля и ихъ необычайное вліяніе на средневѣковые умы. Воззрѣнія этого древняго моралиста на сущность добродѣтели имѣютъ эстетическій характеръ. Добродѣтель, по нему, должна занимать срединный пунктъ между крайними точками. При этомъ, впрочемъ, рѣчи о строго математической срединности здѣсь нѣтъ: послѣдняя, т. е., срединность, можетъ иногда уклоняться въ сторону какой-либо одной крайности, иногда же—въ сторону другой: напр., добродѣтель мужества ближе стоитъ къ крайности, именуемой дерзостью, чѣмъ къ трусости... А какъ велика та область, въ предѣлахъ которой поступокъ можетъ уклоняться отъ математической середины, Аристотель не опредѣляетъ, отъ чего дѣло остается безъ надлежащаго разъясненія и является чѣмъ-то крайне темнымъ, склоннымъ привести даже къ произволу ¹⁾... Стоическое ученіе объ адіафорахъ несомнѣнно много было обязано своимъ возникновеніемъ этой аристоте-

¹⁾ Ср. наше изслѣдованіе: „Аристотель и Ф. Аквинатъ въ отношеніи къ ихъ ученію о правственности“ (Спб. 1884 г.); стр. 127, 126...

телевской неясности, тѣмъ болѣе, что и вся мораль стойковъ какъ извѣстно, сложилась подъ весьма сильнымъ воздѣйствіемъ со стороны Аристотеля: по словамъ Цицерона, она „вся заимствована“ стойками „у Аристотеля или непосредственно..., или посредственно“ ¹⁾... Въ виду всего сказаннаго, становится понятнымъ, что Аристотель — этотъ оракулъ для схоластическихъ богослововъ — много содѣйствовалъ усиленію и укрѣпленію и безъ того имъ присущаго внѣшняго взгляда на человѣческіе поступки, взгляда настолько недостаточно яснаго и недостаточно отчетливаго, что при немъ получалась возможность отгородить нѣкоторую область и для такъ называемыхъ адіафоръ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ, кромѣ того, приходили на помощь еще и развиватели и продолжатели аристотелевскихъ взглядовъ — стоики... Этотъ-то самый факторъ, — продолжаемъ прерванную рѣчь, — къ эпохѣ появленія протестантизма сталъ постепенно уходить на задній планъ. Итакъ, условія, въ какихъ находились протестанты, не гармонировали съ ученіемъ объ адіафорахъ. Если этотъ терминъ все-же иногда фигурировалъ у протестантовъ, то въ иномъ уже смыслѣ. Напр., когда они полемизировали съ римско-католическими богословами и рѣчь заходила о священныхъ сосудахъ и одеждахъ, объ употребляемыхъ при совершеніи богослуженія свѣчахъ и прочемъ, что отличало собою рим.-католическое внѣшнее богослуженіе отъ протестантскаго богослуженія, что въ первомъ имѣло мѣсто, а во второмъ признавалось всецѣло излишнимъ или необязательнымъ и т. д., то, естественно, стоя на своей точкѣ зрѣнія, они, т. е., протестантскіе богословы, доказывали, что все это — такого рода вещи, которыя сами по себѣ не ведутъ человѣка ко спасенію и потому могутъ быть допускаемы, но съ такимъ же правомъ могутъ быть и отрицаемы, какъ нѣчто безразличное. Но въ область внутренняго — нравственнаго поступанія вопросъ о безразличномъ не переносился протестантами, допускаемый ими только въ область внѣшняго, т. е., въ только-что отмѣченную и подобную ей. Съ теченіемъ времени, правда, обстоятельства видоизмѣнились въ томъ будто бы смыслѣ, что и протестанты стали симпатизировать ученію объ адіафорахъ, — но слѣдуетъ вникнуть въ дѣло глубже, чтобъ изъ отмѣченнаго не сдѣлать ложныхъ заключеній. Дѣло въ томъ, что сначала, пока протестантское дви-

¹⁾ Ibid. 224...

женіе было еще юно, лица, примыкавшія къ нему, вели себя въ большинствѣ случаевъ нравственно-прекрасно. Но перемѣна послѣдовала вскорѣ же. Болѣе или менѣе свободный взглядъ на многое, составлявшее достояніе римско-католической церкви, но до извѣстной степени или совсѣмъ отвергнутое протестантизмомъ, мало по малу повелъ нѣкоторыхъ послѣдователей этого къ отрицанію даже и того, что протестанскими корифеями признавалось неизблемымъ, т. е., къ отрицанію значенія нѣкоторыхъ нравственныхъ принциповъ. Отсюда заявилъ о себѣ значительный нравственный упадокъ, что особенно сказалось въ XVII-мъ вѣкѣ... Крайнее нравственное развращеніе естественно встрѣтило себѣ сильное противодѣйствіе со стороны строгихъ блюстителей нравственности, каковыми въ разсматриваемое время оказались піетисты. Для того, чтобы пресѣчь зло въ корнѣ, піетисты стали проповѣдывать рѣшительно противъ всего, что прямо или косвенно напоминало (а не только влекло) человѣку о какихъ-либо чувственныхъ (хотя бы и считаемыхъ на не точномъ свѣтскомъ языкѣ невинными) удовольствіяхъ. Одна крайность обыкновенно влечетъ за собой другую. Тоже случилось и здѣсь. Явились лица, которыя, вопреки піетистамъ, всячески пытались ¹⁾ отстоять дозволенность этихъ удовольствій, при чемъ многіе, даже и не считая (какъ можно предположительно думать) тѣхъ удовольствій за нѣчто въ нравственномъ отношеніи безразличное, тѣмъ не менѣе выдавали ихъ за таковое, чтобы этимъ путемъ больше (какъ говорится) „выторговать“ у своихъ противниковъ. Опять безпристрастный взглядъ на дѣло (а не тотъ, который навязывается нѣкоторыми заинтересованными иностранными источниками) представляетъ его въ нѣсколько иномъ видѣ. Напр., достаточно для насъ уже того, что вопросъ объ адіафорахъ возникъ на протестантской почвѣ случайно, равно какъ случайно же принялъ и до извѣстной степени рѣзкія очертанія. — Съ теченіемъ времени этотъ вопросъ перешелъ изъ жизненной

¹⁾ Въ пылу своей полемики они увлекались до невѣроятности: адіафора въ ихъ сознаніи, — подозреваютъ, считались чѣмъ-то не только уступающимъ самымъ догматическимъ истинамъ вѣры, но даже иногда превосходящимъ ихъ; по крайней мѣрѣ, отстаивались они съ удивительнѣйшимъ усердіемъ. *Mirandum!!!* А сколько было изъ за этого матеріальныхъ даже потерь и лишеній?!

сферы въ научно-философскую, но здѣсь уже постановка его имѣла неправильный видъ, что обуславливалось основными воззрѣніями поднимавшихъ вопросъ философовъ (особенно разумѣемъ Штѣйдлина и друг.),—и потому для насъ существеннаго интереса не представляетъ.—Послѣднюю (при томъ, весьма существенную) стадію въ исторіи даннаго вопроса составляетъ воззрѣніе, проводимое на него Шлейермахеромъ. Этотъ мыслитель, стоя на здоровой точкѣ зрѣнія, находитъ рѣчь объ адіафорахъ возможною только развѣ на юридической, только на чисто гражданской почвѣ. На этой почвѣ, дѣйствительно, какъ и говорено было въ свое время, имѣютъ мѣсто такіа дѣйствія, такіе поступки, которые какъ ни повѣлываются юридическими, гражданскими законами, такъ и ни воспрещаются этими и, слѣдовательно, безразличны. Что же касается сферы чисто-нравственной дѣятельности, то здѣсь, по справедливому сужденію Шлейермахера, что-либо безразличное безусловно невозможно: съ одной стороны, человѣческая свобода не оставляетъ ниодного поступка нравственно-бесодержательнымъ, а съ другой, все человѣческое (нравственное) поступаніе обязательно находится въ какомъ-либо соотношеніи съ конечною цѣлію человѣческаго бытія на землѣ и отсюда также не можетъ быть нравственно-безразличнымъ... Съ сущностью воззрѣнія Шлейермахера на нелѣпость ученія о нравственно-безразличныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ не согласиться нельзя. Тоже утверждается мыслящимъ большинствомъ и другихъ богослововъ.

Вся исторія вопроса объ адіафорахъ, поскольку она шла невѣрнымъ путемъ, такимъ образомъ, представляетъ весьма печальное явленіе, странно возникшее именно на христіанской почвѣ, куда любители языческой философіи безъ всякой надобности перенесли взгляды послѣдней, хотя и безъ этихъ не только могли, но и должны были обойтись. Странно заявляетъ о себѣ этотъ вопросъ и въ послѣдующее время; онъ не кажется страннымъ только извращенному римско-католическому средневѣковому схоластическому сознанію, да еще нѣкоторой части единомыслящихъ со схоластиками философовъ. За-то всецѣло осуждается всѣми здравомыслящими людьми. Трудно предположить себѣ, чтобъ возможно было еще дальнѣйшее продолженіе этой исторіи!...

Александръ Бронзовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки